

ТИИТ-РЕИН ВИИТСО (Тарту)

К ОПИСАНИЮ ФОНОЛОГИИ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Одним из важнейших достижений лингвистического структурализма стало уточнение понятия фонемы и выработка четких методов установления фонем языка. И если генеративистика, сменившая в авангарде теоретической лингвистики структурализм, на раннем этапе своего существования фактически исключила фонему из числа языковых реалий, то к настоящему времени статус фонемы восстановлен и уточнен.¹

Что касается уралистики, в том числе финно-угроведения, то здесь вообще никогда не обращалось должного внимания на фонологию. Правда, имеются даже некоторые генеративные исследования по отдельным проблемам фонологии венгерского, финского, эстонского, водского и саамского языков. Однако фонология большинства весьма важных для уралистики диалектов, языков и даже языковых групп (пермской, например) и в классическом смысле слова пока почти совершенно не подвергалась исследованию, если не считать тех работ, в которых термин *звук* просто заменен термином *фонема* как более «современным». Положения не спасают и пространные рассуждения в таких работах о фонематических и смысловоразличительных функциях и т. п., подчас сбивающие с толку даже настоящих фонологов. Поэтому нет особого смысла говорить о том, что у нас уже есть. Наоборот, надо говорить о том, что нам необходимо: о том, как не имеющий специальной подготовки по фонологии исследователь смог бы дать вполне удовлетворительное описание фонологии какого-либо диалекта.

Явно ни одно фонологическое описание не может пропустить явления, способные различать слова в потоке речи. (Хотя важно и значение явлений, различающих более длинные единицы, выяснение их гораздо сложнее и притом не столь неизбежно.) В то же время исследователь может различать больше единиц, чем фактически налицо в фонологической системе рассматриваемого диалекта, без потери адекватности описания, поэтому другим исследователям всегда остается возможность сократить фонологически необоснованно выделенные единицы без нового сбора исходных данных. Например, «фонетический экстремизм» А. Каннисто при выделении четырех долгот мансийских гласных не бессмыслен, так как он отражает, как это блестяще продемонстрировала Е. И. Ромбандеева², систематические фонетические процессы, связанные с двумя фонологическими долготами.

¹ Ср. S. A. Schane, The phoneme revisited. — Language 47 1971, стр. 503—521.

² Е. И. Ромбандеева, Долгие и краткие гласные фонемы в мансийском языке. — СФУ VIII 1972, стр. 277—281.

Далее известно, что во многих случаях — хотя, правда, не всегда — не существует всеобъемлющего и притом вполне осмысленного описания фонологии языка как целого. В то же время всегда можно вполне успешно описать фонологию экспрессивной или же неэкспрессивной лексики, фонологию неассимилированной, ассимилированной или же (в определенном смысле) исконной лексики, фонологию глагола или имени, фонологию как основу рациональной орфографии, фонологию как препятствия усвоению неродного языка и т. д. Для уралистики важны скорее всего такие описания фонологии отдельных диалектов, в которых основное внимание направлено на исконную неэкспрессивную лексику. Например, описание какого-либо диалекта марийского языка должно учитывать прежде всего такую неэкспрессивную лексику, заимствование которой из соседних тюркских и русского языков не явно, затем экспрессивную лексику, удовлетворяющую тому же требованию, и лишь потом ассимилированную лексику, если она свойственна всем основным марийским диалектам. Причем все же нельзя смешивать явления, характерные для различных слоев лексики, хотя, с другой стороны, надо четко выделять явления (аллофоны, чередования, нейтрализации), имеющие место под влиянием неродного языка (например, в условиях двуязычия). Между прочим, лишь на основе такого описания отдельных диалектов возможно вполне правдоподобное описание морфологии этих же диалектов, а также внутренняя и внешняя реконструкция фонемных систем — сначала для отдельных диалектов, потом для всего языка и языковых групп.

Можно полагать, что выполнение следующей программы обеспечит в общем вполне удовлетворительное описание даже при допущении мелких технических ошибок или при выборе не самого целесообразного способа фонологизации исходного материала.

1. Представить перечень фонем и их аллофон (вариантов), указывая место и способ артикуляции аллофон, а также конкретные условия, в которых каждая из аллофон может встречаться, т. е. является аллофона позиционно обусловленной или нет, и если является, то чем именно.³

2. Указать главные узловые проблемы, т. е. возможности альтернативных фонологизаций, если они вообще существуют, и представить аргументацию выбранной фонологизации.

³ В качестве примера приведем отрывок из такого перечня (водский язык):

Фонема	Аллофона	Условия	Примеры
/h/	χ'	В словах с переднерядным вокализмом: а) в геминатах, б) перед глухим согласным, если следует <i>ï ~ ÿ</i> .	<i>siy'χ'è</i> 'сюда', <i>teχ'tü</i> 'сделано'
	χ ~ χ	В словах с заднерядным вокализмом: а) в геминатах, б) перед глухим согласным, если следует гласный.	<i>maχχä</i> 'в землю', <i>kaχtv ~ kaχtv</i> 'двух'
	H	Перед глухой согласной, но не в геминатах и если следует <i>ï ~ ÿ</i> .	<i>ÿhs</i> 'один', <i>ÿnohtan</i> 'забуду'
	h	В остальных случаях.	<i>häkä</i> 'туман', <i>lehtmä</i> 'корова', <i>lehi</i> 'лосось'

3. Если V — гласная и С — согласная фонема, то представить перечень всех допустимых в диалекте типов слогов с помощью V и С. Если при этом некий тип слогов встречается (или не встречается) лишь в определенных условиях (например, в ударном положении, в начале слова или корня, перед открытым слогом), указать эти условия. Если определенный тип слогов можно представить в символах, более конкретных, чем V и С — например, если С фактически тождествен классу носовых согласных, то целесообразно заменить С символом, обозначающим носовые, например N.

4. Представить совместную встречаемость (и соответствующие примеры) всех фонем в следующих позициях, обозначенных ниже V (гласная) и С (согласная), если соответствующие позиции вообще существуют.

4.1. В начале слога:

V	VV
CV	CVV
CCV	CCVV
....

Если некое сочетание встречается (или не встречается) лишь в определенных условиях (ср. пункт 3), указать эти условия. В этой же связи желательно рассматривать и иллюстрировать встречаемость как в начальных (корневых), так и в непервых слогах.

4.2. В конце слога:

V	VV
VC	VVC
VCC	VVCC
....

4.3. На стыке двух слогов:

C
CC
CCC
....

Если некая фонема или некое сочетание встречается (или не встречается) лишь в определенных условиях (например, на стыке ударного и безударного слогов, после VV, перед VV и т. д.), указать эти условия.

4.4. Представить все сочетания CV. Если некое сочетание встречается лишь в определенных условиях (например, С лишь в конце сочетания согласных, V обусловлена определенными гласными, предшествующими С, и т. д.), указать эти условия.

4.5. Представить все сочетания VC. Если некое сочетание встречается лишь в определенных условиях (например, V и С относятся к различным слогам, либо С встречается в начале сочетания согласных, либо V встречается в конце сочетания гласных и т. д.), указать эти условия.

4.6. Представить все сочетания VV, обращая внимание на слоговую и морфемную принадлежность обеих V.

4.7. Представить согласные перед и после гласных первого корневого слога, учитывая и возможное отсутствие (∅) согласных в этих же позициях:

∅...C	C...∅	CC...∅
∅...CC	C...C	CC...C
.....	C...CC	CC...CC

4.8. Представить совместную встречаемость всех гласных фонем первого, второго и т. д. слогов в слове, учитывая и возможность одно-сложных слов:

V	VV
V...V	VV...V
V...VV	VV...VV
V...V...V	VV...V...V
V...V...VV	VV...V...VV
V...VV...V	VV...VV...V
.....

5. Если некий тип слогов или некое сочетание фонем встречается лишь в случае наличия в нем какой-то юнктуры (границы морфем), то необходимо представить и эту юнктуру.

6. Если некое сочетание гласных или согласных фонем встречается лишь благодаря синхронной утрате какой-нибудь согласной или соответственно какой-нибудь гласной фонемы, то позиция утраченной фонемы должна быть отмечена.

7. Представить перечень всех чередований фонем или их сочетаний, показывая условия этих чередований (окружающие фонемы или морфологические формы). При этом следует учитывать и явления, имеющие место на стыке морфем или слов.

Наконец, прокомментируем отдельные пункты приводимой программы.

В связи с пунктом 1 следует особо подчеркнуть важность указания точных условий (скорее всего — окружностей), в которых могут встречаться аллофоны. Лишь при выполнении этого пункта можно определить узловые проблемы фонологии языка (ср. пункт 2). Так, на основе отличного списка аллофон фонем ненецкого языка и их окружностей, представленного Э. К. Ристинен⁴, можно установить, что кроме фонологизации, согласно которой смягченные согласные считаются отдельными фонемами, а гласные переднего ряда — обусловленными соседней смягченной согласной фонемой, или /j/, существуют еще две принципиально возможные фонологизации. Согласно одной из них, любой смягченный согласный считается сочетанием какой-то определенной согласной фонемы (С) и фонемы /j/ (говорить о смягченности или несмягченности согласных фонем в данном случае уже не имеет смысла, а переднерядность любого согласного считается обусловленной соседней фонемой /j/). Согласно второй, любой гласный переднего ряда, стоящий после несмягченного согласного, считается аллофоном гласной фонемы заднего ряда, обусловленной следующим за ним согласным компонентом, содержащим фонему /j/, а гласный переднего ряда, стоящий за смягченным согласным — гласной фонемой переднего ряда; смягченный согласный перед гласной переднего ряда считается аллофоном одиночной согласной фонемы, обусловленной переднерядной гласной, смягченный же согласный, стоящий перед согласным или в конце слова — сочетанием согласных, вторым компонентом которого является /j/. Вопрос, какая из трех фонологизаций наилучшая в синхронном или же в диахронном плане, может, по всей вероятности, решаться лишь на основе выяснения сущности чередований фонем ненецкого языка (ср. пункт 7).

Целесообразность выполнения пункта 3 можно наглядно продемонстрировать на материале финского языка. Известно, что за кратким гласным в слоге могут встречаться самое большее две согласных, а за долгим

⁴ E. K. Ristinen, On the Phonemes of Nenets. — UAJb. XXXIV 1965, стр. 154—164.

гласным или дифтонгом — всего один согласный. Следовательно, нельзя принять фонологизацию, согласно которой долгие гласные, наряду с краткими, являются самостоятельными фонемами, а не сочетаниями из двух одинаковых фонем, так как фонологизация, считающая долгие гласные и дифтонги сочетаниями гласных, явно предпочтительнее из-за естественного обобщения: за любой первой гласной в слове может следовать до двух фонем. Кроме того, несостоятельность первой фонологизации состоит и в том, что эта фонологизация заставляет нас устанавливать ряд индивидуальных чередований долгих и кратких гласных, например, при присоединении к основе показателя прошедшего времени (ср. /sā/ 'получает' : /sai/ 'получал', /jǎ/ 'оставляется' : /jǎi/ 'оставлялся'). Вторая же фонологизация допускает синхронное правило, согласно которому любое сочетание двух одинаковых гласных стягивается перед или после гласной того же слога (ср. /saa/ : /sai/, /jǎǎ/ : /jǎi/, а также /voi/ 'может' : /voi+i/ → /voi/ 'мог').

Как второй пример рассмотрим сочетание согласных в конце слога в ваховском диалекте хантыйского языка. В конце слога, фактически в конце слова, могут быть лишь следующие сочетания согласных:

<i>mp</i>	<i>nt</i>	<i>ñt</i>	<i>ñč</i>	<i>ŋk</i>
	<i>lt</i>	<i>łt</i>	<i>ñt</i>	
	<i>rt</i>			

Все остальные и притом многочисленные сочетания СС встречаются лишь на стыке двух слогов, где между прочим могут встречаться и представленные сочетания. Обозначение слогов, оканчивающихся на две согласные, не как VCC и CVCC, а как VRT и CVRT, где R = /m n l r ñ l ŋ ñ/ и T = /p t t č k/, явно точнее. Кроме того, из всех сочетаний СС, встречающихся на стыке двух слогов, только сочетания RT, оказываясь по морфологическим причинам в конце слова, не принимают эпентетическую гласную по модели CīC или CīC ([CəC] или CVC) в зависимости от гармонии гласных. Следовательно, точность здесь может облегчить и представление чередований сочетаний согласных согласно пункту 7.

Аналогично нет причин не учитывать при представлении слогов эстонского языка тот факт, что в непервых слогах (незаимствованной лексики) в VV второй гласной может быть только /i/, т. е. возможны только слоги CVi, CViC и CViCC.

Проиллюстрируем также важность выполнения пунктов 4 и 7. В своей монографии о ваховском диалекте хантыйского языка Н. И. Терешкин образно доказал фонологичность девяти и четырех редуцированных гласных.⁵ К тем же результатам пришел и Я. Гуя.⁶ Оба автора отмечают и чередование полных невысоких гласных с полными высокими, ср. схему

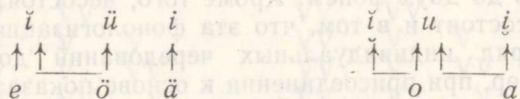
<i>ï</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>ü</i>
↑	↑	↑↑	↑
<i>ö</i>	<i>ä</i>	<i>o</i>	<i>a</i>

Кроме того, отмечается и чередование невысоких полных гласных /e ö a/ с двумя негубными редуцированными гласными /ə v/, которые, по убеждению различных авторов, не являются аллофонами гласных

⁵ Н. И. Терешкин, Очерки диалектов хантыйского языка 1. Ваховский диалект, Москва—Ленинград 1961.

⁶ J. Gulya, Eastern Ostyak Chrestomathy (= UAS 51), Bloomington 1966.

фоном верхнего подъема. Однако так как условия для всех этих чередований в общем одинаковы, ничто не мешает считать эти редуцированные гласные фонологически высокими — /i/ и /i̥/. Тогда можно сказать, что в ваховском диалекте имеют место следующие чередования невысоких и высоких гласных:

Но так как негубные редуцированные можно считать фонологически высокими, возникает вопрос, не являются ли высокими и губные редуцированные, тем более что они противопоставляются по переднерядности и заднерядности. Для губной редуцированной переднего ряда это доказывается (по материалам, представленным Н. И. Терешкиным) на основе ее встречаемости после согласной в начале слова: она, т. е. /i̥/, как и /ü̥/, не встречается после /w t l/; это же обстоятельство не имеет места для /ö/. Что касается губной редуцированной заднего ряда, то ее положение не так ясно: невозможно показать ее аналогичность фонеме /u/, наоборот, засвидетельствована встречаемость как /i̥/, так и /o/ после /l/, где /u i̥ ü̥/ не засвидетельствованы. С другой стороны, можно предполагать существование спорадических чередований /o/ ~ /i̥/ ~ /ü̥/, ср. /woj̥imta/ 'заснуть, уснуть' ~ /wi̥jata/ 'хотеться спать; клонить ко сну' ~ /wü̥j̥n̥l̥ta/ 'дремать' и /j̥i̥y̥l̥ita/ 'ковырять, колупать, проковырять' ~ /j̥y̥pt̥iw/ в сочетании /j̥y̥pt̥iw ju̥r/ 'скребок для обработки шкур'.⁷

Пункты 5 и 6 отчасти уточняют пункт 4. В связи с пунктом 4 следует еще подчеркнуть: самое главное, что даст выполнение его — это таблицы, верность которых доказывается примерами.

⁷ Подробнее о фонологизации полных и редуцированных гласных ваховского диалекта см. T.-R. Viitsõ, Mõtteid uurali fonoloogias. — Keel ja struktuur 6, Tartu 1972, стр. 115—117.

TIIT-REIN VIITSO (Tartu)

ON DESCRIBING THE PHONOLOGY OF URALIC LANGUAGES

The phonology of the Uralic languages, with but a few exceptions, still remains uninvestigated. Therefore, in the present article, a program is presented whose fulfilment should yield considerable phonological descriptions of Uralic dialects. The program provides for (1) a list of phonemes and allophones (together with the specification of their environments), (2) formulation of possible ways of alternative phonologization of phonetic data, (3) a list of syllable types (together with a characterization of their occurrence), (4) a set of data on the distribution of phonemes. Syllable types and phoneme sequences that occur only due to (5) an internal morpheme boundary or (6) the synchronic loss of a phoneme are to be specially indicated. (7) A list of phoneme alternations together with the specification of their conditioning is likewise to be presented.